

В. П. Дьяконова

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
АЛТАЙЦЕВ И ТУВИНЦЕВ
О ПРИРОДЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Воззрения тувинцев и алтайцев на природу и человека до сего времени не были предметом специального изучения, хотя соответствующий материал приводится во многих этнографических работах. Некоторым исключением можно считать статью Л. Э. Каруновской, посвященную представлениям алтайцев о вселенной, в которой автор ограничился изложением конкретного материала о небе, земле и подземном мире.¹

Из существующей этнографической литературы, полевых материалов исследователей Алтая и Тувы очевидно, что представления о мире, окружающей природе и т. д. не ограничивались рамками шаманизма и ламаизма. Значительное место в этих воззрениях занимали мифологические представления.

Так, обобщенное представление о вселенной и человеке выступает в ряде алтайских мифов² о сотворении земли из водного мирового пространства и создании человека из глины. В мифе о сотворении человека отразилось дуалистическое мировоззрение, согласно которому творцом тела было высшее светлое божество Ульгень, а души — владыка подземного мира Эрлик. В алтайском шаманизме господствовало представление о подчинении судьбы человека при его жизни Ульгению, а после смерти — Эрлику. Несколько иные данные о вселенной, как будет показано далее, дает тувинский материал.

Остановимся теперь несколько подробнее на рассмотрении религиозного воззрения на природу и человека, в первую очередь на материале алтайцев, которые вплоть до Великой Октябрьской революции были шаманистами, вследствие чего сохранили в наиболее чистом виде народные представления о происхождении и

устройстве мира и человека. Правда, и у алтайцев прослеживается некоторое влияние на народные воззрения ламаизма и отчасти христианства.

Наиболее характерной чертой рассматриваемых представлений на природу являлось деление вселенной на три сферы: небесную, земную и подземную. Алтайцы первичным материалом для появления вселенной представляли водное пространство, где, по одной из версий, обитала ак-эпе («священная мать»), над которым, не имея определенного места, «носился» Ульгень. Успехами Ульгения, по указанию, данному ему ак-эпе, вышедшей неожиданно из воды, была первоначально сотворена земля, а затем небо (*тенгри*). Для укрепления земли на воде Ульгению понадобилось три рыбы, две из них он поставил по краям, одну — в центре. Центральная опора земли является самой главной. Она направлена головой к северу, а под жабы подхвачена крюком с арканом, конец которого протянут на небо и там закреплен на трех столбах. Этим устройством управляет богатырь Мангды Шире. Если он ослабит конец аркана на одном столбе, то земля может склониться к северу, и тогда на ней образуются топи и болота, если спустит аркан и с другого столба, то земля может вообще утонуть.

По другим представлениям алтайцев, Ульгень на всем протяжении творения мира пребывал на золотой горе (Алтын-ту), которая находится на небе. Она как бы свисает с неба и немного не достает до земли (примерно на расстояние от земли до человеческого колена). Золотая гора, на которой находился Ульгень, имеет солнце и луну. Называется это место *ай кунь тий-гень алтын ту* («неприкасаемая к солнцу и месяцу золотая гора»).

Вслед за землей и небом Ульгень от глины, приросшей к массе земли, плавающей в море, отделил часть, которая стала Эрликом. Оставшийся от стапа Эрлика кусок глины превратился в рыбу тайменя (*пель*). Кроме Эрлика, Ульгень создал упомянутого Мангды Шире и множество других своих слуг (помощников), поселенных им в других мирах.

Для нашего мира (т. е. земли), также из глины и камыша (тело — из глины, кости — из камыша), по воле Ульгения было создано семь человек и семь деревьев. Через уши в людей были вдуты души, а через нос — ум. Эрлику и другим помощникам Ульгения души не были даны. Вслед за созданием семи человек мужского пола был создан еще восьмой, которому Ульгень до того момента, как дал душу, сказал: «Что я сотворю, доброе ли, худое ли, ты над всем властвуй: кому умереть с голоду, ты знай, кому больным быть, ты знай».³ Этот человек получил имя Майдаре.⁴ Он стал в свою очередь творцом женщины, которую создал

¹ Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной. — СЭ, 1935, № 4—5. — Обобщенная характеристика представлений о мире и человеке у всех урало-алтайских народов дана Уна Харва (Harva U. Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. Porvoo—Helsinki. 1938).

² Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М., 1893; Никифоров Н. Ф. Аноский сборник. — Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО, т. XXXVII, Омск, 1915; Анохин А. В. Материалы по шаманству алтайцев. Л., 1924, и др.

³ Вербицкий В. И. Алтайские инородцы, с. 91, 92.

⁴ Майдар — известный ламаистский персонаж.

сначала без души. Пока Майдаре советовался с Ульгеном, как дать душу для женщины, одушевил ее Эрлик. Дальнейшее развитие представлений алтайцев, основанных на мифах, сводится к тому, что Ульгень вступает в конфликт с Эрликом, но через своего посредника Майдаре.

Одушевленную женщину Эрлик представил семи мужчинам, по ни один из них не захотел взять ее в жены. Тогда снова пришел Ульгень и из двух ребер (одного из семи мужчин) создал женщину, дав ей имя Мунтю-Шайды, а этого мужчину назвал Таргы-Намы и отдал ему сотворенную женщину в жены. Этим актом Ульгень как бы положил начало размножению людей, которого не было более семи лет, с момента, как были сотворены семь первых мужчин. Наблюдение за дальнейшим размножением людей и животных и т. д. Ульгень поручил Майдаре, а сам отправился на гору Алтын-ту. Здесь он обнаружил трех мужчин из первых сотворенных семи человек и дал каждому из них собственное имя и определил круг его обязанностей. Так, Тепкаре поручалось хранить души умерших и не давать их Эрлику. Шапдыма стал хранителем детей человека, детенышей животных. Он вразумлял людей на добрые дела и отвращал их мысли от злых. Третий человек получил имя Поудо-Сонк. Он должен был защищать людей во время войн, охранять от грабителей и т. д. Логика мифического повествования о сотворении мира и людей на религиозной основе должна была привести действия Ульгения и его помощника Майдаре к борьбе, к конфликту с Эрликом. В противном случае невозможно было бы развитие представления об особом мире Эрлика (хозяина подземного мира), о борьбе злого начала с добрым, жизни и смерти, реальной и религиозной. Поэтому Майдаре отдает распоряжение Эрлику о том, чтобы он забрал свою женщину и ушел с ней и своим народом из мира Ульгения. Эрлик пытался сослаться на то, что эту женщину сотворил не он (он ее только одушевил), но это не спасло Эрлика. По велению Майдаре Эрлик и люди, пародившиеся от женщины, созданной Эрликом, были изгнаны в землю, находившуюся между двумя морями, где не светит ни солнце, ни луна. Место изгнания Эрлика, понимаемое как особая земля, где нет солнца и луны, скорее всего может означать подземный мир.

Эрлик не сразу смирился с изгнанием и вскоре вернулся из своего заточения через подземный ход, чтобы хватать души живущих людей и уносить с собой в *арун-сюдун* — место, где жили первые люди, где хранятся души умерших до общего суда. Само по себе местоположение арун-сюдун мыслится возле Алтын-ту, оно как бы окружает ее у подножья (наверху Алтын-ту находится Ульгень). К моменту появления Эрлика Ульгень унес на Алтын-ту все души, и озлобившийся Эрлик, прибыв в мир Ульгения, прибавил к плодам на деревьях свои плоды, чтобы через них он смог сам входить в человека, который съедал с дерева плод Эрлика. Майдаре удалось изгнать Эрлика и его слуг.

Мир, в который был сослан Эрлик, схож с ближайшей к человеку реальной природной средой.

Позднее Эрлик, находясь между двумя морями, где не светит ни солнце, ни луна, обратился к Майдаре с просьбой позволить ему создать в своей области свое небо и свою землю. Это и было ему разрешено. Так как Эрлика в страну «за два моря» сослали вместе со своим «народом», а этот народ лишили возможности размножаться, то Эрлик решил обратиться к Ульгению за разрешением устранить и это препятствие. Получив разрешение, Эрлик вернулся в свой мир и сделал молот, наковальню, мех, клещи и прочие кузнечные снаряды. Раскалив железо, он стал бить по нему молотом, но от каждого удара выскакивали *кормесы* (злые существа). Эрлик «наковал» таких существ очень много, что не понравилось Ульгению. Помимо кормесов, Эрлик создал трех животных (медведя, барсука и крота). Ульгень отправил Майдаре показать Эрлика, и они начали между собой войну, во время которой Майдаре поразил в плечо Эрлика и свергнул его на землю, а построенный Эрликом мир разрушил. Когда Эрлик падал на землю, то вместе с ним на землю падали и его слуги. Одни из них упали в воду, и стали *су-ээзи* (хозяин вод), другие на камни и стали *таш-ээзи* (хозяин камней), третьи — на горы и стали *ту-ээзи* (горные хозяева), четвертые — в лес, так появились *агаш-ээзи* (лесные хозяева), пятые — на жилища людей, став *уй-ээзи* (домовыми). Падали они и на скот (*мал-ээзи*), на ровную землю (*йер-ээзи*), на зверей, рыб, птиц и на все живущее и существующее: кто куда попал, хозяином того и стал.⁵ После своего поражения Эрлик стал просить у Ульгения какого-либо места на земле во владение, но не получил его. Тогда Эрлик попросил лишь место, чтобы поставить на нем копец своей палки, ему это было разрешено. Забив копец палки в землю, Эрлик вытащил на ее конце кабана, лягушку и множество различных гадов и вредных животных. Увидя это, Ульгень свергнул Эрлика с его творениями под землю. Перед отправлением в подземный мир Эрлик решил, что теперь и его помощники будут приносить вред на тех местах, куда они падали и где становились ээзи, что «каждый четкер (злой дух, черт), зная свое место, на которое упал с неба, будет на нем управлять людьми по-своему, как хозяин места, будет доводить до смерти и умерших таскать ко мне».⁶ Из умирающих же людей стал извлекать души *тын алгаш* Алдачи или Усмакчи, слуга Эрлика.

Наличие в мифологии алтайцев религиозных представлений о мироздании, о земле, небе, планетах, особой земле, расположенной между двумя морями, которая вначале не имела неба, и т. д., свидетельствует о том, что космогонические представления алтайцев выходили за рамки простого деления мира на три сферы

⁵ Вербицкий В. И. Алтайские инородцы, с. 100.

⁶ Там же.

(земную, небесную и подземную). В них нашло отражение воззрение о множестве миров во вселенной. Например, кроме «солнечно-лунного мира», признавалось, как у ламаистов, еще 99 миров, имеющих свое небо, свою землю и свой ад. Каждый из этих миров представлялся населенным людьми, имеющими своих управителей. Эти миры осмыслились по той же модели, как и главный мир (*кан-курбустан-тенгере*) во главе с Мангызын-магмас-бурханом. Земля в нем называется *алтын теленгей*, а подземный мир — *мангыс-точири-таамы* (хозяин его Патпан-Кара). Средним из 99 миров являлся *эзрень курбустан тенгере*, земля его называлась *алтын шарка*, во главе же подземного мира (*тюпкень-кара-тамы*) признавался Патпан-Кара. Управителем нашего мира алтайцы считали Майдаре. В этом мире есть свой ад (*таптан-кара-тэш*), управляет им Керей-хан. Небесная сфера этого мира имеет 33 круга, или слоя, которые расположены один над другим.

Представления о 99 мирах и 33 слоях небес позволяют предполагать, что религиозная мифология алтайцев претерпела ряд трансформаций и подверглась влиянию как христианской, так и буддийской (ее разновидности — ламаизма) религий. В приведенных материалах эти заимствования выступают достаточно четко.

Итак, мифологический материал весьма четко показывает, что как бы ни был обширен мир, его устройство однотипно, его создание связывается с конкретной персоной в лице Ульгения. Столь же конкретны и другие персонажи и явления.

По этнографическим материалам также четко фиксируются представления о вселенной, понимаемой как совокупность неба, подземного мира и реальной земли (*йер-су*). Об устройстве вселенной наглядно свидетельствуют некоторые рисунки алтайцев, опубликованные в литературе.⁷

При этом «действительная» земля даже по рельефу соотносится с реальной географией Алтая. Люди здесь живут в юртах, пасут скот и т. д. На этой земле очень важным объектом, как считают алтайцы, является падающая в центре земли гора (Актошон Алтай сыны) с молочным озером на вершине (Сут Коль). В центре горы возвышается пуп «земли и неба», из пупа вырастает тополь с золотыми ветвями и широкими листьями, верхушка дерева находится уже в небесной сфере. Как эта гора, так озеро и дерево — место пребывания предков охотников. На вершине горы обитают духи — хозяева скота и зверей всего Алтая, на этой же горе обитает дух земли, хотя само место обитания хозяина земли является невидимым и представляется удаленным от горы.

Поскольку реальная жизнь алтайца зависела от его главных источников существования — скотоводства и охоты, постольку и

по мифологическим представлениям земля была населена различными духами, от которых зависело поголовье скота и удача на охоте. Так, помимо духа — хозяина земли важным был хозяин озера *кер-балык*. Внутри его находятся *кут* (души — зародыши скота) и *юла* (душа — зародыш детей). Ту или иную душу зародыш *кер-балык* через свое дыхание передавал *чер-су*, а тот передавал их духам, обитающим в юрте. Посредником в юрте являлся *йайык*. От него эти зародыши передавались *от-ене* (мать-огонь) и от нее шло размножение скота и рождение людей.

Связь с духами у алтайцев осуществляли шаманы, которые во время камланий «действовали» на земле и в мире духов — хозяев мест. Естественно, что пантеон земных духов на этой земле у алтайцев был более значительным, чем это известно по камланиям шаманов.

Небо, по представлениям алтайцев, рисуется в виде свода, отделенного от действительной земли, состоящего из нескольких слоев. На его девятом слое возвышается красная гора, залитая солнечным светом, которая и является местом пребывания Ульгения или высшего духа Кёк-Мёнке адазы — творца неба и земли и главы всех Ульгений (по мифологическим данным, на этой горе Ульгень творил мироздание). Здесь же находится и дух молнии; он может убить все живое молнией и лучами солнца. Высший дух живет во дворце, который представляет собой коническую юрту. Из вершины ее произрастает дерево с золотой лентой. На небе, слева от горы, размещены сыновья Ульгения и Бай-Ульгения, сына Кёк-Мёнке. Выше горы и небесного свода находится солнце. Правее горы Кёк-Мёнке помещается еще одно небо и небесная огненная гора (Яжилган), принадлежащая дочери Кёк-Мёнке, являющейся творцом женских душ и душ самок животных. Правее горы дочери Кёк-Мёнке размещена небесная гора второго сына Кёк, в его ведении находятся души обитателей какой-то отдаленной области. Справа над этими горами и небесами, поверх небесного свода, находится луна. На основе этих данных можно сказать, что устройство неба мало отличается от устройства земли. Главным на небе представляется наличие небожителей, от них зависит благополучие рядового алтайца. Но жизнь этих небесных существ не мыслилась вне того быта, что был свойствен самим алтайцам (жилище духов — это тоже юрта, но, конечно, богатая, именуемая дворцом и т. д.).

Представление о небе, как об устройстве, многие слои которого занимают определенные небожители, по нашему мнению, скорее всего, является отражением иерархического соотношения, имевшего место в общественно-политическом устройстве кочевников Алтая, уходящем корнями в социальную жизнь ранних тюрок. Именно поэтому распределение духов-божеств на небе связано с определенным слоем.

Тувинские представления о вселенной (*оран, телегей*) согласуются во многом с представлениями, отмеченными у алтайцев.

⁷ Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной, рис. 1, 2.

Вселенная, ее обширность, обозначалась словом *телегей*. За материальную, изначальную основу телегей тувинцы так же, как и алтайцы, брали воду. Под обширностью вселенной понималось все, в том числе и то, что человек не видит. Словом *оран* определялось трехсферное построение мира. Устройство орана имело как бы хорошо осознанную определенность, т. е. считалось, например, что хотя человек и не видел той или иной горы, но он знал, что за ней есть другая гора и т. д.

Телегей в сознании рядовых кочевников всегда выступало как синтезированное понятие (оран-телегей). Под оран-телегейем тувинцы разумеют всю вселенную. На вопрос, где живет оран-телегей и кто он, нам отвечали: «Оран-телегей — это все: это горы, реки, вода, лес, все это оран-телегей».⁸ Это понятие у тувинцев выступает как персонифицированное божество, равнозначное Ульгюну у алтайцев. Вселенная, по материалам карахольских тувинцев, состоит из трех миров (сфер): верхний — небесный (*үстүйү оран*), средний — земля (*ортаа оран*), нижний (*чер адаа*) — подземный мир (*адакы оран*). В верхнем мире есть небо (*дээр* или *кудай*); у них же были получены и иные названия для тех же сфер: небесная (*үстүйү ортемчей*), земная (*ортаа ортемчей*), подземная (*алдык ортемчей*).

На небе нет *магана* (столба, подпирающего верхний круг юрты), там имеется страна с ветрами, страна, называемая *түс*. Небо населено людьми и божеством (Курбусту-хан). Считается, что когда-то на небе вместе с Курбусту-ханом жил и Бурхан-бакши — создатель вселенной. Курбусту-хан наделен чертами реального человека, живет он далеко за звездами, он очень добрый, не приносит вреда людям. Люди, живущие на небе (*азар курбустулар*), не похожи на земных — они меньше ростом и пояс их одежды подвязан на груди, живут они как бы в воздухе (*агаар*), не едят такой пищи, как на земле. Они изредка попадают на землю, и тогда шаману приходится их «выпробаживать» обратно. Считалось, что как люди, живущие на земле, для небесных людей являлись злыми духами (*бук, аза*), так и наоборот.

Небесные люди иногда с *үстүйү орана* спускают молнии. В Кара-Холе по этому поводу нам сообщили: когда-то во время грозы молнией было убито несколько лошадей, они были захоронены на деревянном помосте (*сери*).⁹ Это было сделано потому, что молния посылается с неба и является проявлением его воли. По представлениям карахольских тувинцев, как небесная сфера, имеющая горы, страны, небожителей, так и само небо (в значе-

нии божества — *дээр, кудай*) не расчленяются. Обращаясь к небу, они произносят: «*Дээр оршээ*» или «*Кудай оршээ*» («Помилуй, небо»), полагая, что в *үстүйү оране* имеется божество небо (*дээр, кудай*). Южные тувинцы в отличие от западных небо называли *тенгри*, который являлся в то же время божеством-хозяином. В своих обращениях к небу они из-за благоговейного отношения к *тенгри* заменяли его подставным названием *хаан хурбусту*. Небо, в представлении западных и южных тувинцев, имело несколько слоев или сводов (однозначного ответа о количестве слоев нет). Можно думать, что противоречивость в этом вопросе основывается на влиянии ламаизма. Но в то же время и у самих шаманов встречаются разноречивые данные о количестве небес. Как в этнографической литературе, так и в наших полевых записях количество слоев или небес определяется 99, 33, 18, 9.

Наш собеседник Каваа Чооду (пос. Нарын) сообщил, что небо (*тенгри*) имеет 99 слоев, или 99 *тенгри*. Первый слой неба имеет прямое отношение к человеку, ибо населен божествами и небожителями, проявляющими как положительные, так и отрицательные действия по отношению к людям. Все слои над землей расположены полукругом. От земли до первого слоя проходит вода и воздух. На каждом слое имеются свои звезды, луна и солнце. Здесь же, на небе, живет *луу хорха* (дракон), представляющее собой *агаар* (воздух), в котором имеется и *эртине*. У рядовых тувинцев до недавнего времени было реальное эртине в виде набора из разных ценных металлов и камней — золота, серебра и др. (всего девять видов). Эртине держали в специальном ящике (главном аптра), стоящем в передней части юрты. Оно приносило счастье, охраняло семью. Когда умирал человек, с ним также клали эртине (лучше все девять предметов). Полагали, что если эртине, находящееся на небе, потеряется, то луу хорха будет его искать и если не найдет, то превратится в живое существо и приблизится к земле. Не найдя эртине и упав на землю, луу хорха умрет.

Девять небес, по представлениям южных тувинцев, связываются с женским божеством Хантыма, у которой имеется девять дочерей. На каком из небес живет Хантыма — неизвестно, но в то же время шаманы в своих камланиях не могли «дойти» до этого божества. Помимо Хантыма с девятью дочерьми, на небесах живут и девять богов. Более того, у западных тувинцев также сохранились представления о девяти слоях неба. Первый из них, как выяснилось, называется *анаа дээр тураф*, т. е. имеющий хозяином *улуу куду эрээнин* в образе огромного змея длиной с реку Хемчик. По этому слою неба прыгают огоньки в виде червяков (*оттуг курт*). От них-то шаман и получал силу во время камланий. Второе небо (или второй слой) *дайи дээр ору турар* было населено людьми. К ним шаман ходил получать советы; хозяин этого неба назывался *кижилер боор*. К сожалению, нам осталась неизвестной характеристика остальных слоев неба.

⁸ Потанин Г. П. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881, вып. IV, с. 697.

⁹ Погребальное сооружение в виде помоста, двухъярусная или одноярусная гробница, на которых раньше захоранивали шаманов и иногда рядовых тувинцев (Дьяконова В. П. О погребальном обряде тувинцев. — В кн.: Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.—Л., 1966, с. 78, 79).

Весьма противоречивые сведения о количестве небес находим в записях известного знатока этнографии и языка тюркских народов Н. Ф. Катанова. В одних работах он сообщает, что у тувинцев небес «считается 33, земель — только три слоя, ерликов — 18, адов — тоже 18».¹⁰ В других записях читаем о наличии у тувинцев только 9 небес.¹¹ Еще в одной работе Н. Ф. Катанов упоминает о наличии у тувинцев 18 небес, причем на самом верхнем небе живет Майдыр. Хозяином неба тувинцы считают Тер-Бурхана, к нему во время камланий поднимается шаман на небо.¹² О 33 небесных сводах, населенных таким же количеством богов (*тэр*), имеются сведения и у Г. Е. Грум-Гржимайло,¹³ главным образом заимствованные им у Н. Ф. Катанова (*үстүү оран* или *ортаа ортемчей*).

Прежде чем перейти к характеристике остальных сфер вселенной по воззрениям алтайцев и тувинцев, уместно отметить некоторые общие мотивы, связанные с представлениями этих народов о небесной сфере. Особенностью этих представлений является двойственная природа неба. С одной стороны, небесный свод — космическая зона — осмысливается как область, разделенная на то или иное количество «слоев» (по-алтайски *кат*), где обитают те или иные высшие божества и их семьи, например Ульгень и его сыновья у алтайцев. По представлению кумандинцев, на небесных слоях живут сыновья Ульгения: Солтыган, Чаимган, Пактыган, Созыган и др. Каждый из них является покровителем того или иного сеока (а не отдельных людей): у сеока Тастар — Солтыган, у сеока Алтына Куманды — Яжыган, у сеока Тон — Чаимган и т. д. Кумандинцы их обычно именуют родовыми Ульгениями. У телеутов родовые божества называют *тенгере*, т. е. небом, и их изображения помещают в верхней части шаманских бубнов, символизирующей небесную сферу. Таковы Тумат-тенгере, Ойрот-тенгере и проч. С другой стороны, небо в целом выступает в образе верховного божества, от которого зависят благополучие и судьбы живущих на земле людей и их правителей.

Небо как космическая зона с ее небесными светилами, небожителями является также местом обитания людей, по представлениям тувинцев. Люди, живущие на небесной земле (*казарлар* или *казарчер*), т. е. на небесах, носят пояс высоко, на уровне подмышек в отличие от жителей нашей земли, подпоясывающихся

на поясище, и людей «подземной земли» (*чер адаа*), которые носят пояс низко, на уровне паха.¹⁴

Ламаисты-тувинцы полагают, что небеса населяют души людей. По представлению алтайцев-шаманистов, на небе людей нет. Там находятся светила и живут лишь божества — покровители людей, к которым из земного мира проникают только сильные шаманы мужского пола. Зимой, по мнению алтайцев, небо замерзло и проникнуть туда шаману было невозможно. Сохранилось только предание об одном шамане по имени Сангзак, который мог во время камлания подниматься на небо даже зимой. Он был настолько сильным и дерзким, что пробивал замерзшую корку неба молотком и через нее проникал к нужным ему небожителям, поэтому на его бубне был изображен молоток. По другим данным, этот шаман разбил замерзший слой неба топором-теслом (*жерги*) и проник к Ульгению, прося у него выздоровления своих братьев. Этот шаман, по сообщению А. В. Анохина, назывался «сыном неба». Таким образом, в легенде отражено представление о материальном или вещественном небе.

У тех же алтайцев или тувинцев, а также хакасов и других тюркоязычных народов Саяно-Алтая сохранились представления о небе как высшем божестве, которому устраивали специальное летнее моление, причем у хакасов (качинцев, бельтиров и т. д.) без участия шамана, а силами стариков.

Представления алтайцев и тувинцев о верхнем «небесном» и нижнем «подземном» мирах с их верховными обитателями нашли отражение в путях или дорогах шаманов в эти миры во время различных камланий. При молении Ульгению или его сыновьям, обычно с жертвоприношением лошади, камлания происходили на восточной стороне горы или долины и жертву шаман «доставлял» вверх, на небо.

Весьма ценный и интересный материал о представлениях алтайцев, тувинцев и других тюркоязычных народов южной Сибири содержат рисунки на шаманских бубнах. Прекрасным примером этому могут служить рисунки краской на внешней стороне кожаной обтяжки бубнов у северных и правобережных катунских алтайцев. Верхняя часть разрисованного бубна символизирует небесную сферу. Здесь нарисованы солнце и луна, различные созвездия и звезды (Плеяды, Венера и т. д.), радуги, Млечный Путь, священная береза (*бай кайнг*) или другое «мировое» мифическое дерево, корни которого находятся в подземном, а вершина в небесном мире. Здесь же можно увидеть изображение «ездовых животных» (*бура*) небожителей, живущих на различных слоях неба и т. д. Посредине бубна (или несколько ниже) дается полоса земли с горами, а нижняя часть представляет

¹⁰ Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. СПб., 1907, с. 16; Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. — Зап. имп. Академии наук, т. 73, СПб., 1894, с. 33.

¹¹ Письма Н. Ф. Катанова..., с. 31.

¹² Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. СПб., 1910 (рукопись). — Архив ЛО ИЭ АН СССР, К-V, оп. 1, № 526.

¹³ Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3, вып. 1. Л., 1926, с. 149.

¹⁴ Как объяснил старик Узун Чимба (70 лет было ему в 1958 г., жил на р. Алаш, ниже Таспысы), *казар* — слово, относящееся к шаманскому профессиональному языку и означает «небеса».

собой подземный мир с населяющими его «чудовищами» и животными (лягушки, змеи, медведи и т. п.). У южных же алтайцев, в частности у телеутов, встречаются шаманские бубны, рисунки которых (на внешней стороне) изображают только небесный мир.¹⁵

Подземный мир, мир Эрлика, по представлениям алтайцев, начинается с земной щели, которая является дверью в него. По некоторым представлениям, этот мир состоит из девяти слоев, на каждом из них живут сыновья Эрлика.¹⁶ Алтайцы почитают всех сыновей Эрлика, знают их имена и совершают им жертвоприношения родового характера. Эти духи-сыновья в основном посылают на людей и скот болезни, и жертвоприношения им имеют предохранительный характер. В подземном мире находятся горки, с которых катаются дочери Эрлика и охотятся за душами шаманов, когда те бывают в подземном мире во время камлания. Имеются там и обширные болота, озеро, наполненное слезами людей, живущих на земле, когда они оплакивали умерших, затем красное озеро, образовавшееся из крови убитых или случайно смертельно порезавшихся, а также самоубийц. Возле этих озер находится столбовидное возвышение, место остановки умерших людей, за которым простирается бездонное черное озеро с мостом из одного конского волоса. Шаманы во время следования по подземному миру с трудом и осторожностью переходят этот опасный мост. За черным озером в мире Эрлика расположена область умерших предков. Здесь они живут так же, как и на земле, т. е. в юртах, и держат скот — тот скот, который был припесен в жертву или околел по тем или иным причинам. За местом обитания умерших предков в подземном мире находится грязная дорога, возле которой живут дочери Темир-кана, первого сына Эрлика. Сам Темир-кан живет здесь же, в очень большой юрте, рядом с которой стоит коновязь. Все устройство подземного мира у алтайцев связывается с представлением о болезни и смерти, с жертвами и молениями, выполнявшимися как самими рядовыми алтайцами, так и шаманами — этими главными посредниками между миром духов и человеком.

Отметим еще, как алтайцы представляют Эрлика. Если личность Ульгена им неизвестна, и даже шаманы говорят: «То ли зверь он, то ли человек, сами не знаем?» (они его не видят, а только слышат голос), то совсем другое впечатление имели шаманы об Эрлике. Они его «видели». У него черные, густые, кудрявые волосы, спускающиеся на плечи, большие черные усы, которые он закладывает за уши, длинная до колен борода. Оде-

вается он в семь медвежьих шкур, спит на семи черных бобрах, ездит на копе Аргамаке (это мифический конь, чрезвычайно быстро бегающий). Погоняет он этого коня плетью из живой змеи. Если характер Ульгена чрезвычайно мягкий, он не в состоянии причинить какую-либо неприятность людям, то Эрлик, наоборот, упрям, глуп. Если жилище Ульгена находится где-то на небе за золотым колом Алтын казык (Полярная звезда), то жилище Эрлика в преисподней, на западе. Вход в преисподнюю — это «пасть земли» (*тамнынг уузы*). У входа есть черный пенек, котел с кипящей водой. В преисподней тоже есть солнце и луна, но светят они тускло, поэтому там вечно царит полумрак. Живет Эрлик во дворце из черной грязи или синего железа на берегу реки Тойбодым (из людских слез), через которую, как говорилось, перекинут мост из конского волоса. Его стерегут чудовища (*гюгна*). У дворца стоят караульные — слуги Эрлика (*эльчи*) с багром (*кармак*).

Подземный, или нижний, мир, в представлениях южных тувинцев, отличался сложностью устройства. Прежде всего он находился на западе или северо-западе, а не просто под землей. Он был населен душами умерших людей. Этот мир носил общее название *тыважин оран* и делился как бы на две области: *шамабил тыважин*, где обитали души хороших людей, и *тама тыважин*, где находились души плохих людей. Хозяином этого мира был Эрлик. Души умерших людей попадали сначала вообще в тыважин оран и затем по распоряжению Эрлика либо в место для хороших, либо для плохих людей. Решение об этом Эрлик принимал не самостоятельно, а по соглашению с Курбусту-хапом, которому он подчинялся, или с Бурханом-бакши, как именovali этот персонаж южные тувинцы.

У южных тувинцев подземным миром считали море (*узун тов*), хозяином которого был Мелхи. Этот персонаж представлялся в виде хищного зверя на четырех лапах, очень лепивого и малоподвижного. Жил он в середине этого огромного моря, равного по величине океану, имел огромную силу, с помощью которой поднимал землю. Его окружали рыбы и всякие морские животные. Мелхи весьма напоминает образ алтайского Йутны.

Южным тувинцам образ Эрлика рисовался бестелесным, но очень сильным существом. Живые люди его не могли видеть и только душа человека знала, как к нему попасть. Попадали души к Эрлику «помогали» не только шаманы, но и ламы. Это делалось потому, что на пути к Эрлику находилось много препятствий и иногда душа умершего человека могла заблудиться и не дойти до тыважин оран'а, и ей тогда грозило превращение в четкир (злой дух).

Южные тувинцы основным помощником Эрлика считали Хохнууд, помимо этого, у него были и другие помощники, но о них мало что известно. У западных тувинцев страна Эрлика называлась *хаманын ораны*, подступы к ней и само устройство

¹⁵ См.: Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев; Potanov L. P. Die Schamanentrommel bei den altaischen Völkern. — In: Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963; Потанов Л. П. Бубен телеутской шаманки и его рисунки. — Сб. МАЭ, X, 1949, и др.

¹⁶ Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной, с. 178—183.

мыслились как цепь очень сложных препятствий. Так, в стране Эрлика имелось семь высоких гор и семь рек и огромное море (*долай*), за которым было девять глубоких ям, наполненных различной по температуре водой (очень горячая, горячая, холодная и т. д.), через море был перекинут опасный мост, сделанный из двух конских волосков, а через одну из рек проходил хрупкий мост из коры. Имелась в этом мире и большая степь, заросшая карагаником, опасные горные осыпи, крутые склоны, ущелья, наполненные людской кровью, озера со слезами. К Эрлику у тувинцев душа умершего начинала «идти» только на седьмые сутки со дня смерти человека. Когда шаман проводил свой первый разговор с душой умершего человека, который приходился у тувинцев на седьмые сутки, то душа до этого дня еще блуждала вокруг айла. На следующий «разговор» она приходила уже из страны Эрлика, где душа пробыла 42 дня (второй «разговор» с душой умершего шаман проводил на 49-е сутки).

Если у южных тувинцев души умерших людей по суду Эрлика перед тем как возродиться оказывались или в *тыважин'е* (для таких душ было уготовано возрождение в ком-нибудь из родственников умершего), или в *тыважин'е* (души, попавшие туда, возрождались в животном, растении или насекомом), то у западных тувинцев души плохих людей могли оказаться по воле Эрлика в тамы (как и у южных), а души хороших отправлялись в чер адаа.

Сходными являются представления алтайских кумандинцев, у которых душа умершего человека шла по *үзүт чол үч айры* (дорога узатов с тремя развилками). От этой развилки одна из дорог вела к Эрлику, вторая (средняя) — к *Кагыр чолы кара так* (Кагыр являлся главным посредником между Ульгеном и Эрликом), третья — к *чылан корик* (змеиный мостик). Сначала душа умершего человека добиралась до большой черной площади. От нее путь души (*суне*) шел по дороге со змеиным мостиком. Преодолев этот мостик, душа умершего оказывалась вне забот родственников умершего и шамана. Затем после соответствующего «разбирательства» она попадала или к Ульгено (это для души хорошего человека), или в *күлер кулакту казан* (казан, имеющий уши), который был наполнен дегтем. Далее душа плохого человека попадала к Эрлику, имевшему во владении царство мертвых душ.

Итак, мы видим, что представления алтайцев (в том числе и северных) и тувинцев о подземном мире несколько отличаются в деталях, хотя его устройство имеет общие черты. Отличия носят локальный характер и несомненно отражают особенности образа жизни этих народов.

Страна Эрлика не является только местом для душ умерших людей, как бы равнозначным аду. Эрлик, его страна со столь тягостными для человеческого воображения устройствами играли определенную роль в реальной жизни тувинцев и алтайцев еще и

потому, что любая болезнь мыслилась как уход из тела человека души, которую захватывали к себе злые духи или слуги Эрлика и доставляли в страну Эрлика. Спасало человека от болезни только камлание шаманов, которые путем умиловлений, замены одной души на другую и прочих манипуляций с Эрликом возвращали человеку его душу.

Обращает внимание и тот факт, что у рассматриваемых народов мы видим как бы противоречие. С одной стороны, родственники умершего соблюдали все погребальные обряды, среди которых главным было снабжение умершего всем необходимым для загробной жизни. С другой стороны, боязнь и забота о душе умершего сводились к скорейшему и благополучному препровождению ее в мир Эрлика.

По-видимому, здесь столкнулись две линии развития этих представлений. Устойчивость форм и содержания погребальных обычаев, издавна осознанных, слились с более поздними представлениями и прежде всего с представлениями о душе, об Эрлике и подчиненном ему мире загробной жизни. Об универсальности этих представлений говорит и сама фигура Эрлика, широко распространенная в верованиях тюрко-монгольских народов как шаманистов, так и ламаистов.¹⁷

Третьей сферой вселенной, по народным представлениям алтайцев и тувинцев, выступает реальная земля с ее горами, лесами и водами, на которой живут реальные люди. Кроме людей, животных и растений в этой сфере обитают и различные духи как доброжелательные, так и враждебные по отношению к человеку. Самое видное место среди существ этих категорий принадлежит олицетворенным объектам земной природы — хозяевам (*ээзи*) гор, лесов, вод и различных местностей (урочищ, ущелий, источников, лесов и т. д.).

У алтайцев, как и у ряда других тюркоязычных народов, упомянутая категория духов известна под обобщающим названием *Йер-су* (земля—вода). Под этим же названием и с теми же функциями она была известна и древним тюркам восточной части Центральной Азии и зафиксирована древнетюркскими руническими памятниками.

Земная сфера, или «действительная земля» у алтайцев, осмысляющаяся как место обитания человека, заполнена, по представлениям тувинцев, огромным количеством духов, хозяев мест. Пожалуй, нет ни одного компонента природы, который не олицетворялся бы в народном представлении. Земля, горы, реки, источники, озера, деревья, перевалы находятся в распоряжении хозяина. По представлениям южных тувинцев, все земное пространство (сама земля, горы, камни и т. д.), все видимое называется *хагыр лус* (хозяин земли). Хозяева мест оказывают самое

¹⁷ Waddell L. A. The Buddhism of Tibet or Lamaism. Cambridge, 1959, p. 324—386.

непосредственное влияние на все сферы жизни людей, их действия носят как положительный, так и отрицательный характер. Хозяева мест у тувинцев чаще всего не имеют реального образа, но иногда выступают в виде антропоморфных или зооморфных существ. Изображений их тувинцы не делали. В то же время образ жизни хозяев мест представлялся им близким человеческому. Хозяева мест считались обидчивыми, они часто сердились, но любили различные подношения от людей. Обычно они не выносили вторжения в свои владения (особенно это относится к хозяевам гор) и гневались на малейшее осквернение своих владений. Как правило, тот или иной хозяин места имел имя собственное. Можно полагать, что иерархической подчиненности у хозяев мест не было. Хозяин земли (*чер-ээзи*) не играл сколько-нибудь главенствующей роли по отношению к другим духам, в то время как у алтайцев мы видим обратное: *йер-су* считался самым значительным и ему были подчинены все другие духи земли.

Помимо хозяев мест, в общем-то помогавших людям, если они соблюдали обряды, на земле существовало еще большое количество различных вредоносных духов, приносивших людям болезни, смерть, падеж скота. Самыми распространенными и злыми духами у тувинцев считались *аза* (у южных пазывался *хи-юм*), *бук* (или *пук*), *албыс*; менее известными — *кайбын-ку* и *четкер*.¹⁸

Аза считался духом болезни. По представлению южных тувинцев, существо это бестелесное, но живое, обитает на земле, только в тех местах, где захоранивают людей или лежат вещи умершего обыкновенного человека или шамана (у западных тувинцев *аза* водился везде). Человек мог иногда видеть *аза* в образе прыгающего огонька (южные тувинцы), человека, мухи, льда и даже кошмы (войлока). Иногда *аза* в виде вихря входил в юрту через дымник, в таких случаях тувинцы трижды в него плевали. В некоторых случаях *аза* пазывали *моге* (богатырь).

Аза обладал способностью забирать одну из душ человека (у южных тувинцев имелось представление о трех душах), но это он мог делать, если человек в течение года согрешил, но не обратился к шаману или ламе, или же, находясь в пути, чего-нибудь испугался. Если *аза* (*хи-юм*) забирал у человека душу, то вернуть ее мог только шаман или лама. Во время отсутствия души человек тяжело болел, находился в тревожном состоянии или даже умирал. Видеть *аза* обычно мог только шаман, а у южных тувинцев — и лама. Южные тувинцы считали, что иногда душа человека в момент смерти вовсе не уходила к Эрлику-Ловун-хану (хозяин подземного мира у южных тувинцев, у западных — Эрлик), но превращалась в *хи-юм*. Эта превращенная душа могла жить там, где похоронен человек, и она приносила людям много беспокойства — окликала людей по имени, жалова-

лась на то, что она голодная, что у нее нет табака, пищи, одежды. Поэтому проводы души к Эрлику шаманы и ламы устраивали как можно скорее. Места, где поселялась такая душа, обычно вызывали страх, и люди их всегда обходили. Однако в пос. Нарын, например, были в старину ламы, которые якобы умели уничтожать превращенные души. Для этого они читали специальные молитвы в сопровождении игры на инструментах (один — в виде свистка, другой — домбра). Это делали на месте погребения человека. Уничтожение души осмыслялось как ее растворение, рассеивание, но не переселение к Эрлику. У карахольских тувинцев считалось, что *аза* вселялся в человека в результате воли Эрлика. При вселении *аза* человек сразу же заболел, и только шаман мог его изгнать из больного. Если у человека заболели зубы, то говорили, что их «съела» лошадь, посвященная духу *аза*.

Бук, весьма распространенный злой дух, не связывался с каким-либо конкретным местом обитания. Полагали, что он проявлял злонамеренные действия по отношению к человеку, ему приписывали способность перевоплощения во всякого рода животных и птиц (волк, собака, соболь, филин, верблюд). Появление его обычно связывали с вечерними сумерками. Тот человек, к которому он приходил, очень от этого страдал, беспокойно спал, *бук* его трогал за одежду, будил своим криком. По замечанию Ф. К. Кона, *буку* приписывалась всякая трудноизлечимая или неизлечимая болезнь.¹⁹ У стариков пос. Нарын (Южная Тува) до сих пор существует поверье, будто бы у шаманов и лам имелся *чадык* (нечто злое), посылавшееся людям. Если *чадык* не уничтожить (с помощью другого шамана или ламы), то в этой семье или вблизи ее юрты поселялся *бук*. В результате семья страдала от постоянных несчастий (болезни, падеж скота, смерть детей). Обычно соседи от таких семей сразу же отключивали, старались с ними не общаться. Считалось, что *бук* может появиться не только в одной семье, но даже у всего рода. Такой *бук* якобы был раньше у эрзинских салчаков. Изгонял его шаман.

Злой дух *албыс* имеет конкретный образ и ассоциируется по внешнему виду с женщиной с длинными волосами, спереди ее тело, как у обычного человека, а со спины тела нет и видны внутренности. Живет *албыс* в песчаных и каменистых местах, где иногда можно слышать ее голос, похожий на козлиный крик, которым она приманивала к себе людей. Считалось, что у *албыс* есть муж и дочь, по другой версии, — это девица, не вышедшая замуж.²⁰ Вредили *албыс* мужчинам и молодым женщинам, вселяясь в них. Если *албыс* вселялась в человека, то тот мог сойти с ума. Болезнь эта называлась *албыстар*, излечивали ее только

¹⁸ Кон Ф. За пятьдесят лет. Л., 1935, с. 39.

¹⁹ Там же.

²⁰ Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы... с. 31.

шаманы *албыс хам'ы*. У тувинцев-тоджинцев этой болезнью болели и шаманы, перед тем как стать ими.²¹

В Кара-Холе были распространены рассказы о сожигательстве охотников с албасты. При этом считалось, что они способствуют удаче в охоте и кормят охотников своим молоком из длинных, забрасываемых за плечи грудей и мясом, отрезанным от своих ребер. С этим духом связывался ряд превращений. В виде камня он мог проходить огромные расстояния, под видом мыши мог проникать в юрту. По материалам П. И. Каралькина, албысами могли быть медведь (*адыг*), волк (*кок-кара*), ворон (*кускун*), филин (*угу*), кукушка (*хээж*).²²

О четкере сведения паши были получены на юге Тувы. Это очень злое существо, имеющее тело. Когда оно забирало у человека душу, тот умирал. Видеть четкер может только человек с «двойным глазом», т. е. шаман.

Дух шулбус обладал способностью к перевоплощениям, бывали они как мужского пола, так и женского. У него был один глаз и большой нос из меди. Причем шулбусы мужского облика приносили вред женщинам, а женского — мужчинам. Считалось, что шулбусы убивают людей, когда те находятся вне дома, особенно если очень далеко от него.²³ Живет шулбус на горах и в пещерах. О духе Кайбык-ку, причиняющем мучения во время болезни и вызывающем агонию, упоминает Ф. Коп.²⁴ Ни западные, ни южные тувинцы о нем нам ничего сообщить не могли. По данным С. И. Вайнштейна, в «фольклоре тоджинцев встречаются образы злых духов-людоедов, восходящие, вероятно, к доламаистским представлениям (чылбыга, шулбус, албыс, мангыс и др.), которые были распространены у всех монгольских народов и от них, вероятно, проникли к тувинцам».²⁵

На основании данных Н. Ф. Катапова, у тувинцев насчитывалось 99 или 88 злых духов.²⁶ Вероятно, эти данные охватывают не только разновидности земных, но и подземных духов.

Следует отметить, что со злонамеренными существами до недавнего прошлого боролись не только шаманы, но и сами рядовые тувинцы. Каждая юрта имела духов-охранителей, и жители ее совершали некоторые виды культовых действий по отношению к ним.

Итак, на тувинском материале мы видим, что земная сфера, с точки зрения народных религиозных представлений, была насыщена различными категориями существ, от которых зависела вся жизнь людей. Кроме зонального или географического разделения этих существ (духи — хозяева мест — гор, тайги, рек, источ-

ников и т. д.), было деление их на благожелательно настроенных по отношению к человеку — домашних охранителей и духов помощников шамана. Если духи земли и вод, а также злые духи не имели «иконографического» выражения, то духи охранители и помощники шаманов (за небольшим исключением) имели изображения. Обращает на себя внимание, что, по представлениям тувинцев, не прослеживаются связи злонамеренных существ с обитателями подземного, или нижнего, мира. Их недоброжелательные действия по отношению к человеку носят как бы самостоятельный характер, а отнюдь не направлялись кем-либо. Вероятно, здесь отражается очень ранняя ступень народных воззрений, когда еще не было представления о подземном мире, его управителях.

У тувинцев, как и алтайцев, представления о звездах и планетах носили не только мифологический, но и религиозный характер. Южные тувинцы, например, помещали различные созвездия и звезды на первом слое неба. Из всего многообразия созвездий и звезд у тувинцев (западных и южных) общераспространенным является представление о созвездии Большая Медведица, называемом Чеды-хап или Долан-бурхан. Его связывали с легендой о семи братьях, которые жили на земле, а затем поднялись на небо и стали богами. Этот вариант легенды очень близок алтайскому.²⁷ Распространен среди южных тувинцев и такой вариант. Когда-то на земле жили семь чертей. Они были страшные и опасные. Если бы они остались на земле, то уничтожили бы и землю, и людей. Но они поднялись на небо и назвались бурханами. И там они стали очень сильными, обладающими сверхъестественной силой. Они смотрят с высоты на людей и все видят, что те делают. Простые люди постоянно должны были помнить и думать о них. Этим бурханам всегда после дойки (вечерней) брызгали коровье молоко (овечье или козье было нельзя). В юртах этому созвездию устраивали *дагыыр* (моление).

Другим созвездием, почитаемым тувинцами и алтайцами, было созвездие Орион (Уш-майгак — алтайцы и западные тувинцы, Курбун сога — южные тувинцы), называемое в народе Три маралухи. С ним связана легенда об охотнике, который гнался на коне с собакой за маралухами со стрелой и луком в руках. К этому созвездию обращались в основном охотники. Перед охотой и во время самой охоты каждый охотник смотрел на него, особенно на звезду, обозначающую стрелу, угощал ее чаем. Звезда, обозначающая в этом созвездии охотника, мыслилась как будто это и есть сам охотник. У южных тувинцев очень почиталось созвездие, состоящее из пяти звезд (*тавын тенгир* или *хуун тавыног*). Эти звезды, по объяснению тувинцев, расположены вблизи созвездия Малой Медведицы. Каждая звезда в нем называется *тенгир* и, кроме того, одна из звезд называлась

²¹ Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961, с. 176.

²² Устное сообщение.

²³ Катапов Н. Ф. Образцы народной литературы..., с. 31.

²⁴ Коп Ф. Предварительный отчет о поездке в Сойотию. Л., 1934, с. 23.

²⁵ Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы, с. 176.

²⁶ Письма Н. Ф. Катапова..., с. 6.

²⁷ Никифоров Н. Я. Анонский сборник, с. 250, 251.

«отец для каждого человека», вторая звезда — «мать для каждого человека», третья — «бакши» (каждый тувинец-ламаист раньше имел себе наставника или духовного отца ламу бакши), четвертая — «бурхап» (бог для всех людей), пятая — «четкер» (каждый человек имеет своего черта). Молились этим звездам ежедневно, ибо они могли защитить человека от бед; угощали их коровьим молоком.

Созвездие Плеяды (у тувинцев — *мечи*, у алтайцев — *мечин*) у южных тувинцев называется созвездием женщин. Раньше в этом созвездии было семь звезд, теперь — только шесть. Одну звезду из этого созвездия забрал к себе Долан-бурхан. Считается, что когда в этом созвездии было семь звезд, то на земле было очень холодно, а когда из него забрали одну звезду, то на земле стало теплее. Это созвездие оказывало внимание женщинам, хотя угощений и молений ему не устраивали. По легенде, записанной Г. Н. Потаниным, у западных тувинцев из родоплеменной группы Салчак говорится, что «Мечин прежде был на земле; в то время было холодно. Верблюд и корова стали спорить, кому его раздавить. Корова сказала: „Я старше“, и наступила на Мечин, но он ушел на небо через ее раздвоенное копыто. И с тех пор стало жарко».²⁸

Утреннюю звезду (у западных тувинцев — *солбан*, у южных — *урич цолув*) в шаманских камланиях называли «владыка неба, у которого полами служат кривые облака».²⁹ Как только появлялась на небе утренняя звезда, охотники и путешественники отправлялись в дорогу, угостив эту звезду чаем. Вечерняя звезда у южных тувинцев — *хонтыг эмгин*, у западных — *хонтыг курганьяк*. По представлениям южных тувинцев, эта звезда ассоциировалась с образом старухи, которая все время хочет есть. Полагали, что если вечером поесть жирного мяса и выйти из юрты, то эта звезда своим языком будет лизать губы человека, как бы слизывая с них жир. Звезду эту считали переменной, утром ее видели со стороны восхода солнца, а вечером — на западной стороне неба.

Полярная звезда (у западных тувинцев — *алтын кадыс*, у алтайцев — *алтын казык*) называлась золотым колом, неподвижно стоящим в небе. Эта звезда входит с несколькими другими звездами в созвездие Малая Медведица. В нем различали звезды: алтын кадыс, от него три звезды — (*аргамчи аркан*) и две звезды (*сары атлар*) — желтые, соловые, лошади, привязанные к золотому колу. Алтайцы полагали, что если нацелить ружье на любую звезду, то она сойдет с места, а алтын казык никогда.³⁰ Считалось, что Полярная звезда очень помогала вора и они ее чтили.

Южные тувинцы полагали, что между звездами бывают столкновения, в результате которых они погибают и исчезают, причем каждую звезду они считали материком. Если видели падающую

звезду, то говорили, что она кочует или едет в гости. На небе живут люди в стеклянных юртах и носят пояса на одежде под мышками, вот они-то и видны в виде звезд. Затмения луны тувинцы, как и алтайцы, очень боялись. Алтайцы объясняли его поеданием луны Джельбегеном, мифическим персонажем, представляемым иногда в виде многоголового змея. Тувинцы во время затмения луны били желтых собак и вертели хвосты красным козлам.³¹ Молнию и гром относили к действиям неба, на котором живет *луу* (драконоподобное чудовище). Южные тувинцы возникновения молнии объясняли тем, что *луу* машет хвостом и иногда прикасается им к *эртине*, которое дает ему силу, и от этого получается молния. От *эртине* сила идет к земле. Это небесное существо увидеть невозможно, хотя полагали, что если *луу* уронит *эртине* на землю, то будет много дождей, воды, наводнений, а сам *луу* превратится в *амырга*. *Амырга* представлялся в виде огромного змея, шаманы имели его изображения, он являлся эрепом (дух-помощник). Западные тувинцы, по данным Г. Н. Потанина, считали, что молнию «кидает с неба Хормусту-Тост-Кара-Тенгир».³² Молнии очень боялись, ее воздействие на людей и животных объясняли плохим поступком по отношению к небу.

Гром также связывали с действием драконоподобного существа *луу*. Это происходило тогда, когда *луу* бил хвостом по небу и кричал. Действия грома были страшны для того человека и животного, души которых он хотел забрать на небо. У Н. Ф. Катанова есть сведения, что дракон, который производит гром, «водится в месте, покрытом снегами»,³³ и действия его опасны для мужчин, которые даже умирают, если он им причинит зло. В народе первый гром отмечали специальным обрядом, заключавшимся в том, что из юрт выносили молоко и лили его на решетку юрты.

У тувинцев, как и монголов, радуга называется *солана*. Они считали радугу опояской неба. Становление тувинских шаманов было очень тесно связано с представлением о радуге, через которую они якобы получали дар или, вернее, сигнал к шаманству.

В представлениях тувинцев и алтайцев о природе значительное место занимали различные домашние и дикие животные, птицы и рыбы. Домашние животные определенной масти — лошади, овцы, козы (только у тувинцев) — во время семейных и родовых молений приносились в жертву (у алтайцев³⁴ — *тайылга*, *ыйык*, у западных тувинцев — *ыдык*, у южных — *сетир*). Их жертвовали

³¹ Там же, вып. II, с. 127.

³² Там же, вып. IV, с. 139. — Под «Хормусту-Тост» Г. Н. Потанин, несомненно, имеет в виду Курбусту-хана, являвшегося синонимом неба, считавшегося также небесным божеством. Кара тенгир (или хар тенгир) — черное небо. У южных тувинцев первый слой неба назывался хар тенгир. Каждый шаман имел свой хар тенгир, понимаемый как земное «отражение» самого шамана в небе.

³³ Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы..., с. 31.

³⁴ Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладинского наречий тюркского языка. Казань, 1884, с. 326, 327, 457.

²⁸ Потанин Г. Н. Очерки..., вып. IV, с. 204.

²⁹ Письма Н. Ф. Катанова..., с. 29.

³⁰ Потанин Г. Н. Очерки..., вып. II, с. 127.

злым и добрым духам и божествам земли, неба, вселенной. По представлениям алтайцев и тувинцев, животные, как и человек, имели душу. Так, например, южные тувинцы, более сильно ламаизированные, чем остальные группы тувинцев, полагали, что животные имеют душу (*сунус*) и с теми же качествами, что и люди (у южных тувинцев было представление о трех душах). Местонахождение души в животных они связывали с луной. Так, в нолунне душа в животном находилась в голове, затем, по мере увеличения диска луны, она продвигалась по кровеносным сосудам и, когда луна шла на убыль, душа перемещалась в ноги животного, а затем снова повторялся тот же круг. Когда животное погибало или его резали, то полагали, что его душа отправляется в тыважин оран (место душ умерших людей и животных). После гибели животного душа его (кстати, как и душа человека) находилась вблизи *кожаа* (загон для скота), и об этом знали по звукам, издаваемым ею. Алтайцы при существовании представлений о жизненных и духовных субстанциях человека (или представлений о душе) признавали для человека, животных и растений наличие такой категории, как *тын* (*тыным* — дыхание), являющейся связующим звеном тела и души.³⁵ От жертвуемых животных к духам и божествам шли именно душа животного, а не само животное, мясо которого, как правило, съедали после принесения его в жертву.

Велико было значение домашних животных и в старинных погребальных обрядах, когда умершего сопровождал в загробный мир его конь, овцы и другие домашние животные. Когда тувинцы продавали домашний скот, то стремились удержать у себя «счастье» на скот (*аас кежик*). Для этого, если продавали лошадь или корову, брали несколько волосков из хвоста и клали в передний угол юрты. Если продавали овцу, то левой полкой своего халата хозяин или хозяйка вытирали ей рот, а затем выдергивали с вымени немного шерсти и бросали ее в огонь в своей юрте и таким образом удерживали «счастье» на скот.

Среди многообразного мира диких животных, которые водятся в таежной и степной зонах Саяно-Алтая, не имеется ни одного, охота на которого была бы запрещена. В то же время не во всех случаях после охоты совершали обрядные действия, которыми «оплакивали» животное или задабривали хозяина тайги за смерть зверя. У южных тувинцев особое отношение к маралу проявлялось в том, что перед началом охоты на это животное на высокой горе раскладывали *сан* (воскурение из можжевельника) и обращались к хозяину вселенной (*оран танды*) с просьбой помочь убить марала. Этот зверь считался любимым зверем хозяина вселенной. Человека, который убивал на охоте марала, очень уважали, а к рогам убитого марала прикрепляли белые ленточки. Почитаемым у южных тувинцев был и соболь (*булук*), он считался цен-

ным зверем хозяина тайги. После охоты на месте стоянки, перед костром, стелили одежду, на которую садился охотник, убивший соболя. Этим ему выражали особое почтение. После снятия шкурки на костре зажаривали кусочки мяса и каждый охотник отведывал по небольшому кусочку в знак уважения к соболу. Оставшееся мясо и кости закапывали и у этой ямки делали сан. Шкурки альбиносов (соболя, белки и др.) тувинцы, как правило, отдавали шаманам, которые их подвешивали к культовой одежде в виде подношения духам-помощникам. С медведем у тувинцев было связано много поверий. Все они в основном сводятся к тому, что когда-то медведь был человеком, а потом ушел в лес и стал медведем.³⁶ Из лап медведя шаманы делали себе эрени (дух — помощник шамана), кости медведя считались оберегом детей и вешались к колыбели или прикреплялись к одежде. Кроме того, были эрени из диких животных и птиц — волчий и барсучий, змеиный, вороный и из филина. Эти виды эреней были обязательны у всех групп тувинцев. Змей в обычной жизни тувинцы не убивали. Если змея заползала в юрту, то на палке относили ее подальше в степь. По данным Н. Ф. Катанова, у тувинцев было поверье: если змея пересекала дорогу справа налево или даже залезла за пазуху, то это предвещало счастье в будущем, если она ползла в другом направлении, то обязательно кто-нибудь заболевал или что-нибудь терялось.³⁷ Не убивали тувинцы и мышей, присутствие мышей в юрте приносило хозяину благополучие и свидетельствовало о довольстве хозяина. По представлениям южных тувинцев, кукушка являлась вестником проснувшейся природы, с началом ее кукования связывали начало лета. При проведении *оваа магыр* (моление оваа) ее изображение клали внутри *оваа* (сооружение из камней и хвороста), считая ее как бы представителем живой природы. Грифа (*гас*) считали небесной птицей, которая живет на небе (в данном случае на обожествляемом небе), и полагали, что слетает он для того, чтобы клевать тела умерших людей. Местобитание грифа на небе мыслилось где-то возле Бурхана-Баши. По сообщению Н. Ф. Катанова, тувинцы охотились на всяких птиц, но в пищу не употребляли мяса хищных и тех, кто клевал навоз.³⁸ Западные тувинцы лебедя старались не убивать, так как считали ее хорошей и чистой (священной) птицей, обладающей красивым голосом. Но если случайно убивали, то это не было зазорным и мясо употребляли в пищу. У южных тувинцев лебедь (*жун*) считалась почитаемой и ценной птицей. Обычно на нее не охотились, ибо боялись, что в таком случае может умереть родной брат или кто-нибудь из родственников. Но если убивали лебедя, то на этом месте (у озера или реки) делали сан, к дереву привязывали белые ленточки; если с собой

³⁵ Вербицкий В. И. Алтайские ивородцы, с. 77, 78.

³⁶ Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли, с. 130, 136; Потанин Г. Н. Очерки..., вып. IV, с. 167.

³⁷ Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли, с. 188.

³⁸ Там же, с. 159.

было золото или серебро, то бросали его в воду. На место, где была убита птица, клали все имеющиеся у охотника продукты. Мясо отделяли от костей и складывали их в анатомическом порядке около сан'а, здесь же клали голову и шкурку птицы. Если был с собой хадак, то накрывали им кости и шкурку. Обращаясь к озеру, воде говорили: «Все, что надо, сделали, дали стоимость вашего лебедя, если мясо осталось, возьми». Сведения о лебедях достаточно полно собраны Л. П. Потаповым.³⁹ Не убивали тувинцы кукушку и журавля. Считали, если убить одного из журавлей, то прилетит другой (супруг или супруга) и будет все время плакать о погибшем, такой плач продолжался якобы от 3 до 7 лет. Человеку, который убил эту птицу, будет очень плохо. Но если убивали супружескую пару журавлей, то уже не считали плохим предзнаменованием.

Относительно различных видов речных и озерных рыб у тувинцев не имеется сколько-нибудь распространенных поверий или представлений. Наиболее известной является легенда о налиме, зафиксированная еще Н. Ф. Катановым. Налим был когда-то женщиной, но из-за табака она рассердилась на мужа и с трубкой во рту бросилась в воду и превратилась в налима. Мясо налима никогда не едят, потому что считают его не настоящей рыбой. Но в то же время из мяса налима приготавливали лекарство.⁴⁰

Закljučая настоящий очерк, главным образом о представлениях алтайцев и тувинцев о вселенной и человеке, необходимо отметить некоторую пестроту этих представлений, что вполне естественно, поскольку в нем рассматривались два народа, причем, как известно, с неоднородным этническим составом. Даже внутри этих народностей, учитывая сложность этнического состава каждого из них, наблюдается неоднородность подобных представлений. Вместе с тем нельзя не отметить и связь изложенных материалов с некоторыми сведениями, касающимися истории этих народов.

Многие из рассмотренных космогонических представлений алтайцев и тувинцев могут быть сопоставлены с древнетюркскими подобными представлениями и указывают на ранние этногенетические и этнокультурные связи этих народов с их далекими историческими предками и этническими предшественниками. В одном из наиболее известных древнетюркских рунических текстов, нанесенном на памятнике в честь Кюль-Тегина, сказано: «Когда наверху образовалось голубое небо, а внизу бурая земля, между ними появились сыны человеческие». Здесь дана лишь в самой общей форме картина мироздания. Однако, поскольку древнетюркские рунические тексты являются историко-политическими па-

³⁹ Потапов Л. П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений. Обычай дарения убитого лебедя у хакасов. — СЭ, 1959, № 2, с. 21, 22.

⁴⁰ Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли, с. 8, 130.

мятниками, отнюдь не религиозными, они, естественно, не дают подробных характеристик этих представлений. Религиозные же сюжеты в них случайны и отрывочны. Тем не менее и эти краткие данные имеют для исследователей религии саяноалтайских народов большую ценность. Сошлемся еще на такой пример. Как уже упоминалось, у алтайцев зафиксирован миф о создании первых людей из глины. Данный сюжет был известен и ранним алтайским тюркам, так как в одной из древнетюркских легенд говорится, что человек был создан при помощи воды из глины. Согласно этой легенде, какую-то из пещер Центральной Азии затопила вода, она заполнила принесенной ею глиной ямку, имевшую форму человека. Потом эта глиняная модель ожила.⁴¹

Представление о жизни людей на небе также отражено в древнетюркских рунических памятниках. В надписи, посвященной Кюль-Тегину, сказано по поводу его смерти следующее: «На небе вы будете как среди живых».⁴²

Эти исторические данные позволяют проследить в известной степени развитие некоторых из изложенных представлений. Естественно, что такая задача не могла стоять перед настоящим очерком и решению ее должна быть посвящена специальная работа.

⁴¹ Roux J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon VIIe et VIIIe siècles. — Revue de l'Histoire des religions, 1962, t. 161, p. 14.

⁴² Ibid., p. 217.